

Н.Н. Иванов,

доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин в начальной школе Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА А. ПЛАТОНОВА

В прозе Андрея Платонова есть ряд мотивов и образов, типологию которых можно представить как мифопоэтическую, однако их значение следует прояснять, а функции в тексте уточнять, реконструировать. Попробуем решить эти задачи на основе все более востребованного в последние годы метода мифопоэтической реставрации [1–2] или, что предпочтительнее, метода реконструкции текстовых структур [3].

Мифопоэтические мотивы позволили А. Платонову оттенить проблематику «всесильного» мозга, трансформации энергии тела в творческую, одухотворенную силу, чтобы соединить разобщенных людей, природу, победить смерть, воплотить давние иллюзии человечества о земном рае, счастье, свободе. Эти идеи подпитывались философами А. Чижевского, В. Вернадского, «Философией общего дела» Н. Федорова, теориями теодицеи. На этой волне во второй половине 1920-х годов появились книги Алексея Толстого, А. Белыева, В. Обручева о неведомых цивилизациях и полетах в Космос, о подобных атлантам новых людях. Допускаем, что башня для «трудящихся всей земли», которую строил инженер Прушевский в повести А. Платонова «Котлован», и «голубой город», придуманный архитектором Василием Бужениновым (А.Н. Толстой, рассказ «Голубые города»), имеют один архетип.

А. Платонов полагал, что разум, труд, талант с опорой на «чудесные» машины изменят не только общество и природу, но и естество самого человека. Поиски «всеобщего, долгого смысла» жизни, «вещества существования» стали лейтмотивом его творчества.

В образах-символах *дом, котлован, башня* А. Платонов реализовал представления о городе солнца и месте человека в новом мире, о теле и душе, развил перекликающиеся с Библией, мифами, фольклором, литературой мотивы перехода мертвого в живое, телесного

в духовное. В «Котловане» он использовал литературное описание произведений архитектуры, экфрасис, чтобы визуализировать подсознательные архетипы, смоделировать обретение священного центра и возвышение, порыв человека к Небу, стремление победить плоть, фатальную власть Духа земли. Воцел у А. Платонова хотел «напрячь свою душу, не жалеть тела на работу ума» во имя «тайны жизни» [4, с. 7], и тем самым оказывается близким легендарным искателям Святого Грааля, постигавшим пропорции тела и духа в человеке.

Библейский прототекст позволил А. Платонову варьировать «телесную» тему. Допустим, «монументальный новый дом» из повести «Котлован» отсылает читателя к мотиву строительства башни «высотой до небес» и наказания людей Господом за небрежение Его властью. Башня символизирует тело, тогда как платоновская башня для «трудящихся всей земли» [4, с. 21] выразила религию человекобожия – так С.Н. Булгаков назвал социальные проекты российских революционеров [5]. Вот другая вариация названной темы. Авторские раздумья о теле и душе, «веществе» жизни, о зарастающих животной шерстью людях созвучны преданию о сотворении Богом человека из праха земного. В истории же девочки-сиротки Насти мы усматриваем мотив более глубокий, чем лишь соотнесенность с тезисом Ф.М. Достоевского о неприятии всемирного счастья на слезе ребенка. Архаичные культуры знали обряд погребения детей в городской или крепостной стене: такой ребенок выполнял охранительную функцию и сам находился под защитой Богини-матери. Социалистический рай допускает смертную жертву: ребенок Настя родился из старой культуры («буржуйка» Юлия – ее мать) и захоронен в котловане.

По поручению активиста Чиклин в пустом храме раскуривал трубку от свечи (как царь

Петр), беседовал с попом. Храм-здание – условное тело, а тело человека – храм для его духа; храм – это еще и дом Бога. Трубка – атрибут беса. Но в действе Чиклина, в дыме табака вместо благовоний угадывается и сакральный для коммунистов ритуал – перенос огня, «освящение» нового огнем испытанной веры, низвержение старых и утверждение новых «святынь», наполнение старого тела новым духом или нового тела старым духом, или наполнение тела нового человека духовной проверенной субстанцией.

Неоднозначная проблема преображения плоти, влияя на социальный пессимизм Платонова, стала одной из причин его душевных сомнений, что выразил «сокровенный человек» – задумавшийся, почти юродивый герой-бродяга, соответствующий фольклорному типу искателя «инога царства». Таковы автобиографичные Филат («Ямская слобода»), «усомнившийся» Макар из одноименного рассказа, Фома Пухов («Сокровенный человек»), Саша Дванов («Чевенгур»), а в «Котловане» – Воцев.

Странствия Воцева апеллируют к мотивам мифов и сказок о вхождении человека в мир и судьбе, о странствиях по земле, поисках истины и обретении чудесных даров. Он должен встретить владеющих правдой редких людей, найти себя в судьбах человечества, приобщиться к великой тайне Бытия. Она связала бы для него сакральным смыслом букашек и семена в траве, людей, солнце и свет звезд, мертвое и живое. С другой стороны, в контексте навеянных мировой культурой и русской философией, наукой (А. Чижевский, В. Вернадский, К. Циолковский, Н. Федоров, Н. Вавилов) идей о труде и творческой энергии, о планетарности, нескончаемости жизни, о «завоевании» Вселенной А. Платонов оценил большевистский мессианский переворот. Глазами Воцева и с высоты его запросов-вопросов, на фоне обострения внутренней драмы он реализовал раздумья о «смысле существования», «чувстве» жизни, природе самого человека.

Ассоциативно-метафорический смысловой план повести «Котлован» воплощен во всех компонентах внешней и внутренней формы: сюжетных мотивах, композиции, системе персонажей, символике, скрытых цитатах, микрообразности. Композиционное обрамление повести отразило сомнения в перспективах изменения человека: она начинается сообщением об увольнении Воцева с механического завода, венчается смертью и погребением Насти.

«Котлован» начат в 1929 году, Воцев уволен с завода в «день тридцатилетия личной

жизни» [4, с. 4]. 1929 – 30 = 1899 (дата рождения А. Платонова). Тридцатилетие – расцвет жизненных сил мужчины, а Воцев – слабосилен. Его «задумчивость» и «слабосильность» не соответствуют «общему темпу труда». Механический завод работает по «плану треста» и никак не приблизит Воцева к «плану общей жизни». Труд – продолжение созидательного дела жизни, природы, солнца, но индустриализация – труд механический, нетворческий, бесплодный (мертвые заводы). Значит, нужно двигаться к достижению гармонии, создающей условия для настоящего счастья.

Душа «сокровенных людей» есть «излишняя теплота жизни», но только «истину она перестала знать». Без нее у Воцева «тело слабнет». Он хотел «выдумать что-нибудь вроде счастья», но искал истину и «вещество» жизни не в себе («Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка» [4, с. 6]), а в природе, людях. Воцев – то в поле, то на дне оврага, небо над ним светит «вопрошающе <...> мучительной силой звезд» [4, с. 5]. Дав поискам Воцева направление не внутреннее, но внешнее, А. Платонов, думается, полемизировал и с философским, нравственным тезисом позднего Л. Толстого о Царстве Божьем «внутри» нас.

Персонажи «Котлована» индивидуализированы портретно, в речи. Индивидуальность, доминанту Воцева выразила его фамилия; известны две версии ее происхождения: от слов «воск» и «тщетность». Воцев – воск: гибкий, мягкий, податливый, восприимчив к воздействию извне, легко деформируется. Он искренне верит внешним призывам и доволен «тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, значит, достаточно лишь быть около того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным» [4, с. 13]. Существеннее, глубже для понимания образа Воцева другой оттенок значения фамилии: «вотще», «тщетно». Такая типология ближе экспрессии пейзажных деталей, авторским эмоциям, лирико-романтическим акцентам, интонациям письма, а также этике, философии персонажа, который тщетно согласовывал внутреннее и внешнее, природу и людей. Текст подтверждает горьковское суждение о «нежности» отношения к людям А. Платонова и распространенное в его адрес определение – «грустный писатель».

«Как заочно живущий, Воцев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу гнущего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали» [4, с. 10]. Видя вокруг себя «безответное существование» [4, с. 7], он «устраняется в тишину безвестности, как

тщетная попытка жизни добиться своей цели» [4, с. 9]. «Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я» [4, с. 5]. На эту самооценку стоит посмотреть с позиций философии био- и теодицеи. Первая заключается в оправдании жизни одним биологическим началом (жить – чтобы жить). Вторая в том, что, живя, человек обязан раскрыть свою божескую сущность. В ряде мистических учений разница между человеком и животным (собакой, комаром) состоит в том, что животному все дано от рождения, а человек должен все познать сам. Выходит, Воцев, как собака, изначально лишен способности к развитию. «Лучше б я комаром родился...» [4, с. 36] – так подкреплены эти раздумья, а через сравнения усилена идея ненужности, бессмысленности, бесприютности «сокровенного человека». «Умерший, палый лист лежал рядом с головой Воцева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле» [4, с. 7]. Голова – священная сущность человека. Все характеристики листа метонимически, метафорически и символически переносятся на обладателя головы – Воцева. Лист он подобрал и спрятал, «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности» [4, с. 7]. Позднее они станут игрушками для Насти, которая сама уйдет в небытие, найдя «смирение в земле».

Вот характерные проявления философии тщетности: «Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая» [4, с. 7]; «он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и ступить по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» [4, с. 7]. И далее: «На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности. Воцеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха; обездоленный, Воцев согласен был и не имеет смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, – и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью» [4, с. 15].

Мертвая птица в руках Воцева символизирует прерванный полет, несостоявшуюся жизнь. Не имея прошлого, традиций, он существует среди людей и природы, как Адам, которого Творец «забыл» наделить истиной и веществом существования, оставил на полпути между комаром, собакой и человеком.

Образ инженера Прушевского построен, скорее, на литературных, чем на мифопоэти-

ческих ассоциациях и мотивах. Прушевский и землекоп Чиклин имеют прошлое. Инженер «плакал, перечитывая открытку сестры» [4, с. 53]. В его прошлом были мать, любовь и Христос. В детстве ему «было тоскливо и задумчиво» [4, с. 19], теперь он «не знал, как ему жить одному» [4, с. 19]. Прушевский живет во «флигеле во фруктовом саду» [4, с. 22], и это не единственная чеховская аналогия. Из котлована виден город, возможно, один из тех, что «видны только в хорошую погоду» («Вишневы сад»). Прушевский – умный и душевный интеллигент чеховского типа, ему посвящены самые лиричные страницы повести. Чеховские ассоциации подспудно оттеняют раздумья о русской интеллигенции рубежа веков. «Весь мир он представлял мертвым телом» [4, с. 16]. Прушевский, представитель умозрительной и бездейственной русской интеллигенции, бессилён соединить человека и материю, одухотворить, оплодотворить природу. Для таких целей нужны иные герои. Этот обуреваемый сомнениями ум не созидает, а расчленяет естество жизни. И здесь угадывается фаустианская аналогия.

Инженер, «не старый, но седой от счета природы человек», не понимает целостность мира и тайну Божьего творения. Его «внимательный и воображающий» ум, «ощущающий ум», «самодействующий разум» поражен «стеснением сознания», испытал «конец дальнейшего понятию жизни» [4, с. 22]. Идеи инженера претворяет Чиклин, «старший» в артели землекопов: «упраздняя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять» [4, с. 16], «не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом» [4, с. 20]. Оба – из прошлого; оба любили Юлию, мать Насти, и, допускаем, что девочка – ребенок одного из них.

Сила былинного Никиты Кожемяки происходила из Матери-земли. Сила Никиты Чиклина иная – разрушительная, смертная. Он – землекоп, «грунтовый труд был его лучшей профессией» [4, с. 16]. Этой силе «некуда было деваться», если прекращался «исход ее в землю» [4, с. 25]. Платонов развил символику землекопа-гробовщика: в котловане найдены гробы, два Никита забрал для Насти, возможно, дочери. Когда она умерла, Чиклин сделал ей постель на будущее время, «выдолбил в вечном камне» «гробовое ложе» с крышкой – гранитной плитой, как мавзолей, защищавшей от пока не преобразованного земного праха. Над ней вознесется башня, построенная Прушевским, вероятно, отцом.

Прушевский, как и Воцев, не знал «точно устройства всего мира» [4, с. 17], тщетно искал истину. Диалоги об истине – аллюзия

Евангельского спора Христа и Пилата. Сокровенный вопрос: «А вы не знаете, отчего устроился весь мир?» – Воцев адресовал Прушевскому и напомнил о тупиковом интеллигентском пути: «Неужели они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоешками?» [4, с. 27].

В проблематике повести актуальны и другие мифопоэтические представления о теле: «Многие традиционные учения предлагают идею человеческого тела как Храма, созданного Божественным архитектором для духа. В нем восстанавливается теоморфный принцип человека» [6, с. 5]. Восстановят ли новые архитекторы теоморфный принцип (богоподобие) человека? Не профанируют ли строители социализма идею башни-храма? Преобразует ли Прушевский мертвое в живое? Он мог «предвидеть» «произведение статической механики», но «не мог предчувствовать устройство души поселенцев общего дома», не мог «вообразить жителей будущей башни», «какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?» [4, с. 21].

И все же в повести «Котлован» намечен переход физического в духовное; он связан с критерием детскости в оценке жизненных реалий. А. Платонов считал «больших» предтечами, а детей – «спасителями вселенной». Видя «строй детей – пионеров», Воцев подумал, что они «знают и чувствуют больше его,

потому что дети – это время, созревающее в свежем теле» [4, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малыгина, Н.М.* Художественный мир Андрея Платонова / Н.М. Малыгина. – М.: МПУ, 1995. – 96 с.
2. *Телегин, С.М.* Миф и Бытие / С.М. Телегин. – М.: Компания Спутник, 2006. – 320 с.
3. *Иванов, Н.Н.* Своеобразие художественного языка в повести А. Платонова «Котлован» / Н.Н. Иванов // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. I. – С. 220–224.
4. *Платонов, А.* Котлован; Ювенильное море: Повести / А. Платонов – М.: Художественная литература, 1987.
5. *Булгаков, С.Н.* Религия человекобожия в русской революции / С.Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 221–229.
6. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* – М.: Локид, 1999. – 560 с.

SUMMARY

The article deals with the actual problems of artistic skills, aesthetics and poetics of Platonov's prose. Based on the method of мифопоэтической reconstruction text structures and discursive practices study, interpretation of artistic texts of the author systematized мифопоэтические motifs and images of creativity Platonov, revealed their functions.

Article contributes to the solution of problems of the humanitarian education, adequate perception of the works of literature. It is addressed to specialists in the field of Philology, literary criticism, teachers, students.

Поступила в редакцию 04.11.2013 г.